

Научная статья

УДК 82

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-273-293

**«Дымный след» лирики Н. Гумилева
в поэтическом мире Б. Волкова**

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

Предпринят анализ лирики Бориса Волкова – почти забытого поэта, прозаика восточной эмиграции – в диалоге с поэзией Николая Гумилева. Исследование проводится на основе единственного стихотворного сборника Волкова «В пыли чужих дорог», вышедшего в Берлине в 1934 г. и более не переиздававшегося. В поэзии предшественника Волкова притягивает тема путешествий по экзотическим странам, воспринятый от французских поэтов образ Китая. Близка обоим поэтам тема забытых миров, а также восприятие мира как театра с расплывчатыми Творцом ролями. Диалог Волкова с Гумилевым создается как на тематическом уровне, так и на мотивном, образном. Кроме того, близость возникает через общее для обоих поэтов отношение к жизни как к поединку с «воинственной судьбой».

Ключевые слова

Борис Волков, Николай Гумилев, Восток в поэзии, литература первой эмиграции

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

© Проскурина Е. Н., 2023

Для цитирования

Проскурина Е. Н. «Дымный след» лирики Н. Гумилева в поэтическом мире Б. Волкова // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 273–293. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-273-293

“Smoky Trace” of N. Gumilyov’s Lyrics in the Poetic World of B. Volkov

Elena N. Proskurina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

The paper analyzes the lyrics of Boris Volkov – an almost forgotten poet, prose writer of Eastern emigration – in a dialogue with the poetry of Nikolai Gumilyov. The study is based on Volkov’s only collection of poems “In the dust of other people’s roads”, published in Berlin in 1934 and no longer reprinted. In the poetry of Volkov’s predecessor, the theme of traveling to exotic countries, the image of China adopted from French poets, attracts. The theme of forgotten worlds is close to both poets, as well as the perception of the world as a theater with roles painted by the Creator. Volkov’s dialogue with Gumilyov is created both at the thematic level and at the motive, figurative level. In addition, closeness arises through the common attitude for both poets to life as a duel with a “warlike fate”.

Keywords

Boris Volkov, Nikolai Gumilyov, East in poetry, literature of the first emigration

Acknowledgements

The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a literary transfer space”

For citation

Proskurina E. N. “Smoky Trace” of N. Gumilyov’s Lyrics in the Poetic World of B. Volkov. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 273–293. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-273-293

Имя Бориса Николаевича Волкова (1894–1954) – поэта, писателя, мемуариста – во многом остается не известным читателю. Интерес к его личности активизировался в последние годы в связи с его службой офицером по особым поручениям в Сибирском правительстве Колчака, во время которой его судьба свела с бароном Унгерном. Попав в Ургу по заданию колчаковской контрразведки, он собирал информацию о развернувшемся под эгидой Семенова панмонгольском движении. В период похода унгерновской Азиатской дивизии на Советскую Россию от барона была получена в Урге телефонограмма с приказом о ликвидации подозрительных лиц, среди которых оказался Волков. По счастливой случайности телефонограмму принял дежурный офицер, чья фамилия также значилась в ней. «Я бежал по уртонам (монгольский пони-экспресс) на озеро Буирнор, к Хайлару, сделав в течение пяти с половиной дней около 1 200 миль и переменяв 44 коня, – пишет в своих воспоминаниях Волков. – Мне удалось проникнуть в Китай мимо китайских постов на дне телеги, прикрытым несколькими брезентами. В Хайларе в это время были сосредоточены китайские войска, которые предполагалось двинуть против Унгерна. ...меня долго прятал один из старожиллов, богатый бурят, пока не взял меня под свое покровительство баргутский князь Ц. (Цэндэ-гун), узнавши о том, что я являюсь зятем русского Советника¹, который в прошлом сильно помог ему» [Унгерниада, 2007, с. 341]. Авантюрные перипетии своей военной судьбы Волков отразил в мемуарных сочинениях «Семеновские застенки» и «Об Унгерне (Из записной книжки белогвардейца)». Оба текста созданы по горячим следам событий в 1921 г. Большая часть записок «Об Унгерне» опубликована в том же 1921 г. в харбинской газете «Новости жизни». В дальнейшем мемуары Волкова были собраны в Гуверовском архиве, где хранятся до настоящего времени². Отдельные фрагменты приведены в документальном романе Л. Юзефовича «Самодержец пустыни», посвященном барону Унгерну. Целиком воспоминания Волкова опубликованы в приложении к книге Б. Соколова «Барон Унгерн. Черный всадник» [Унгерниада, 2007], где также приведена наиболее полная его биография [Соколов, 2007, с. 110–136]. Сложными путями, через Монголию и Китай,

¹ В это время Волков был женат на Елене Петровне Витте – дочери руководителя русской Экспедиции по обследованию Монголии Петра Александровича Витте.

² Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. – Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University Stanford, CA, 94305-6010 (650) 723-3563.

семье Волкова удалось переправиться в Америку, где писатель работает над автобиографическим романом «Царство золотых будд». Текст его считается утерянным, хотя в конце 1920-х гг. произведение было подготовлено к печати, о чем можно судить по анонсам в американских газетах. Так, журнал «Вольная Сибирь» за 1929 г. публикует два отзыва – из «Окленд трибьюн» и «Экзаминер»: «Эта книга, о которой профессор Калифорнийского университета (отдел славянских языков) Александр Каун отзывается, как о труде одновременно научном, художественном и более захватывающем, чем роман» (Вольная Сибирь, 1929, № 5, с. 112); «...то, что пережили Волковы, зачаровывает. Сцены, которые они видели, столь ужасны и кровавы, их бегство из Монголии столь чудесно, что будущий читатель их книги, захваченный рассказом, невольно содрогнется... Через бесконечные степи страны, превышающей в пять раз Францию, Живой бог, сумасшедший барон Унгерн фон Штернберг, монгольские бандиты, московские комиссары, тибетские монахи, американские авантюристы, русские беженцы и преследуемые евреи, – все это было снесено и сжато ветрами: красным вихрем, несущимся из Москвы и раскаленным до бела – откуда-то со стороны Гобийских пустынь» (Вольная Сибирь, 1929, № 5, с. 112–113). По словам внучатой племянницы Волкова Веры Винн, живущей в Сан-Франциско, у потомков писателя хранятся до сих пор не разобранные его рукописи, среди которых, возможно, находится и текст романа. Также не исключено, что в домашнем архиве могут находиться и неизвестные произведения Волкова.

Восполнить утрату романа в некоторой степени дает возможность книга стихов Волкова «В пыли чужих дорог», вышедшая в берлинском издательстве «Парабола» в 1934 г., первое название которой было «Реестр моих переживаний» (Вольная Сибирь, 1929, № 5, с. 113), говорящее о ее автобиографической основе. Несмотря на фрагментарность лирического сюжета, нарушение временной последовательности событий, можно реконструировать жизненный путь автора книги – воина и скитальца, обретшего место в жизни в результате остросюжетного поединка с судьбой.

В книге четыре части: «В яркой полосе», «Шут Господа Бога», «Найденный манускрипт», «Возведенные на эшафот». Первая часть наиболее плотно насыщена восточными мотивами, о чем нам уже приходилось подробно писать (см.: [Проскурина, 2021]). Затронут нами был и гумилевский след в поэтике этой части. В данной работе предпринята попытка подробнее и детальнее исследовать присутствие лирики Гумилева в творческом сознании Волкова. Поэтический мир Гумилева оказался близок ему мно-

гими аспектами: путешествиями по экзотическим странам, восточной мотивикой, образами новых земель, забытых миров, курганов и песков... Однако общая для творчества двух поэтов тема путешествий и неизведанных стран имеет разные истоки. В основе географии Гумилева-путешественника лежит литературный принцип: его поэтическое пространство соткано из цитат, выдаваемых за «впечатления», «отчего стихи обретают “картинность”, становятся “художественными стихами”, не позволяющими забыть об условности того яркого мира, который создает поэт» [Куликова, 2017, с. 149]. Экзотическая аура гумилевской поэзии представляет собой сплав личных впечатлений от посещения Африки и творческого вымысла. Для Волкова-путешественника география странствий складывается главным образом из вынужденных перемещений, обусловленных его беженским биографическим сюжетом, а ранее – участием в Первой мировой войне, во время которой он, «будучи вольноопределяющимся первого разряда... служил на Юго-Западном фронте, а потом – в Персии и Месопотамии в качестве начальника выючно-посыльного транспорта Всероссийского земского союза. Волков совершил рекордный конный переход от персидского порта Энзели на Каспийском море до приграничного турецкого города Ханикен» [Соколов, 2007, с. 114]. В той или иной степени, с разной мерой полноты поэтический сборник Волкова, созданный в американский период жизни, дает представление о том, насколько жива была в его сознании память о прошлом и насколько мощной была жажда внутреннего преодоления пережитой военной драмы. Это своеобразный лирический документ, не лишенный и черт литературности. Показательно, что в книгу вошли стихотворения, написанные в разное время: в период 1921–1933 гг. Однако собранные вместе, они сложились в единый текст со сквозным лирическим сюжетом. Немалая роль в этом сюжете отведена личности и творчеству Гумилева. Его присутствие проявлено в поэзии Волкова по-разному: как открытым способом в стихотворении «Н. Гумилев», так и на уровне мотивно-образных соответствий.

Следует отметить, что поэзия Гумилева была близка многим авторам восточной эмиграции, привлекая их чувством уверенности в себе и в жизни, силой, широтой и смелостью порыва (см.: [Крейд, 2001, с. 17]). Его почитателями были Арс. Несмелов, А. Ачаир, В. Перелешин, Н. Обухов, Н. Петерц, Н. Щеголев, П. Булыгин. Номинативной эмблемой тяготения русских харбинцев к творчеству Гумилева служит создание внутри объединения «Молодая Чураевка» «Круга поэтов», отсылающего к гумилевскому «Цеху поэтов». Несмотря на то что Волков прожил в Харбине со-

всем недолго, его с уверенностью можно включить в харбинский круг почитателей Гумилева. Симптоматичен тот литературный факт, что в 1925 г. в Сан-Франциско вышел первый номер альманаха «Дымный след», название которого воспроизводит фрагмент стихотворения Гумилева «Наступление»: «И так сладко рядить Победу, / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага» [Гумилев, 1991, с. 264]. Можно предположить, что название альманаху дал Волков: в сборнике «В пыли чужих дорог» есть стихотворение с тем же названием: «Дымный след», под которым указано место написания: Кобэ, Япония. Вероятно, в Америку Волков добирался в том числе и через Японию, т. е. стихотворение было написано раньше времени создания альманаха.

Оба стихотворения событийно относятся к военному периоду. Однако если у Гумилева речь идет о наступлении Русской армии в Первую мировую войну (стихотворение входит в книгу стихов «Колчан», созданную в 1915 г.), то у Волкова – о ее поражении в Гражданскую. Хотя в самом стихотворении нет точного указания на событийное время, о нем можно судить, исходя из анализа всего микроцикла стихов «Дни холода», куда завершающим элементом входит «Дымный след». В четвертом из пяти стихотворений под названием «Синий воротник» появляется образ врага-красноармейца³, недвусмысленно указывающий на то, что весь этот корпус посвящен Гражданской войне, а именно периоду поражения Белой армии:

... Там, за буграми, знаю, – он, не брит,
Растерзанный, обросший волосами,
Не галл, не немец и не бритт, –
Но враг, нас поджидающий часами, –

Пробивший путь среди каменистых груд,
Из рудников и шахт рабочий...
Нас разделили – знание, счастье, труд,
И Он, – наш ветхий днями – Зодчий
[Волков, 1934, с. 108].

Через весь микроцикл в качестве основных проходят мотивы обреченности и смерти, приобретающие смысловую плотность в финальном стихотворении:

³ Синий цвет на воротнике бойца Красной армии сигнализировал о его принадлежности к кавалерии – в соответствии с Приказом РВСР № 116 от 16 января 1919 г.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага
[Гумилев, 1991, с. 263–264].

Активность внутренней позиции лирического героя выражена мотивами огня, света, веры, полета, бессмертия. Каждый из них словно намеренно семантически инверсирован в стихотворении Волкова: огонь оборачивается в нем пеплом, свет – тьмой, вера – безверием, бессмертие – смертью.

Мотивный образ «дымного следа» вновь возникает в стихотворении «Милые пустяки» из микроцикла «Сын», включенного Волковым во вторую часть своей книги. Стихотворение построено в форме обращения поэта к своему маленькому сыну, куда встраивается фрагмент из военного прошлого:

... Там, где лишь ведут сейчас
Череп, без слов, рассказ,
Где под пологом травы
Исчезают наши рвы...

Нет, конечно, нет!.. О, нет! –
Это только дымный след,

Это только запах трав,
Это не было, – ты прав...
[Волков, 1934, с. 66].

Восклицание «нет!», трижды повторенное в одной строке, звучит как заклинание. Так «дымный след» военного прошлого тянется через всю жизнь поэта, затуманивая даже самые светлые ее мгновения.

Ко второй части сборника, озаглавленной «Шут Господа Бога», Волков предпосылает эпиграф из стихотворения Гумилева «Театр» из книги «Жемчуга» (1910):

Все мы – смешные актеры
В театре Господа Бога...
...Множатся пытки и казни
И возрастает тревога, –
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?
Н. Г у м и л е в
[Там же, с. 47].

«Весь мир – театр» – одна из ключевых констант культуры, берущая свое начало со времен античности и по-разному обыгрываемая авторами в процессе движения истории – от принятия роли, предписанной Творцом, до утверждения человеческой свободы воли (см.: [Степанов, 2004, с. 948–974]). «Театр» Гумилева относится ко второму направлению, где в красках горькой иронии изображается драма жизни, воспринимаемая Небесами как увлекательный комедийный спектакль:

...Бог восседает на троне,
Смотрит, смеясь, на подмостки,
Звезды на пышном хитоне –
Позолоченные блески.
Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света.
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь, в либретто...
[Гумилев, 1991, с. 366].

Ближайшим претекстом «Театра» является стихотворение Пьера де Ронсара «На окончание комедии», точнее, его первый стих:

Вот вам комедия – образчик преотличный
Земного бытия. На наш уклад привычный
С вниманьем пристальным как поглядишь порой:
Весь мир – театр, мы все – актёры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашею игрой⁴.

Оба стихотворения отличает ироническая интонация, а также мотив невольного подчинения предначертанной роли. Различие же состоит в том, что у Гумилева главными характеристиками мира выступают санкционированные Богом боль и страдание, служащие маркерами эпохи рубежа XIX–XX вв. как времени надвигающихся катастроф:

...Бог, наклонясь, наблюдает,
К пьесе он полон участия.
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулася сетью,
Всех, утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!
[Гумилев, 1991, с. 366–367]

Волков разворачивает названные гумилевские мотивы в варианте уже разразившейся катастрофы, вступая в косвенный диалог с предшественником. Лирический герой этой части пытается обрести свой путь, пройдя сквозь кровь, слезы, смерть. В целом же петляющая линия сюжета движется от молитвы Богу за всех страждущих в первом стихотворении, озаглавленном «В древнем храме»: «Будь правосуден. / Овей крылами Синих

⁴ Ронсар Пьер де. О вечном. Избранная лирика. URL: <https://coollib.net/b/288577-per-de-ronsar-o-vechnom-izbrannaya-lirika/readp> (дата обращения 28.10.2022).

Птиц! / И капли алые исчисли / От терний на челе сынов...» [Волков, 1934, с. 49] – к бунту против Творца в последнем, выраженном от лица Савла, не смирившегося со страданиями мира и не ставшего у Волкова апостолом Павлом:

С А В Л

Савл, Савл, что ты Меня гонишь

Я гоню Тебя за то, что Ты меня оставил,
За то, что, подстрекатель и судия,
На скрижалях выбил Ты так много правил,
Заранее зная, что их – не исполню я.

В каждом слове Твоем так много лицемерья,
В каждом слове Твоем – угроза и удар!..
Растеряли райские птицы перья,
И от огненных перьев у нас – пожар.

Взирай величаво с голубого неба:
Внизу – бушует пламя, внизу – вопль старух.
И, если хочешь, – лиши воды и хлеба,
Но, кости раздробив, знай: в нас – Твой дух.

Кровью и пламенем – пишем обвиненье,
И Тебе, Подателю, подадим счет.
Останови лишь на мгновенье, да, – на мгновенье, –
Для суда справедливого – времен полет.

Я гоню Тебя за то, что Ты меня оставил,
За то, что, подстрекатель и судия,
На скрижалях выбил Ты так много правил,
Заранее зная, что их – не исполню я
[Волков, 1934, с. 81].

Мотив человеческого крестоношения как символа богосыновства, ключевой в стихотворении «В древнем храме», в «Савле» преобразуется в мотив богооставленности. В рефрене «Я гоню Тебя за то, что Ты меня оставил» поэт соединяет два евангельских микросюжета: предсмертных минут Христа, возгласившего на Кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46) – и встречи с Христом Савла на пути в Дамаск, услышавшего голос: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» (Деян. 9: 4). Фразой «в нас – Твой дух» артикулирована та же идея богосыновства человечества, к которому Господь, однако, предъявляет отнюдь не отцовский

счет. В результате Савл так и не становится апостолом Павлом. Евангельский суд Божий в его устах становится судом Богу. Этот смысл поэт усиливает дословным повторением первого катрена. Рамочная композиция словно запечатывает основную идею стихотворения в твердый императив. Во всей книге стихов это самое жесткое и самое горькое произведение, в котором вера в Бога соединяется с бунтом против Него, в чем слышится карамазовский отзвук: «Я не бога не принимаю... я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [Достоевский, 1976, с. 214]. Причем лирический герой Волкова, в отличие от Ивана Карамазова, «не принимает» и самого Бога как создателя исполненного страданиями мира. Визуально протестная интонация означает в тексте обилием тире.

Можно сказать, что, отталкиваясь от «Театра» Гумилева, Волков развивает его идейное содержание в свете трагических событий Гражданской войны и эмиграции. Не случайно одним из самых активных мотивов второй части его книги стихов является воспринятый от Гумилева и по-разному варьируемый мотив боли: «Жизнь – всюду боль. Не все равно ли?» («Агасфер») [Волков, 1934, с. 50]; «Я подобен раненому зверю, / Который заполз умереть в лог» («Конец пути») [Там же, с. 52]; «О, смейтесь, и силой воли, / Извечно, из рода в род, / Забыв о грядущей боли, / Выходите на эшафот!» («О безразличии») [Там же, с. 79] и др.

Картины разворачивающейся в этой части книги жизненной драмы своей поэтической рельефностью реализуют в том числе и модус шутства в образе автора – в значении *говорящего правду правителю*, что было эксклюзивным «корпоративным» свойством придворных шутов. В данном случае адресатом шутовских упреков становится Бог – Творец таких жизненных правил, которые не по силам человеку и человечеству в целом.

Поэтический образ Востока у Волкова формируется из фрагментов его скитаний «сквозь хаос времени, народов, стран» [Волков, 1934, с. 29]. Помимо военной линии единого лирического сюжета книги стихов есть в ней и экзотические картины нового для поэта мира: дышащего древностью Китая, «с чертами плоского монгольского лица» [Там же]; пустыни Гоби, где до сих пор слышен «зычный голос» тысячелетий; Золотого Залива с его закатами, исполинскими травами и «шоколадными девушками» с их горячей доступной любовью и т. д. Ярко представлен этот пестрый мир в микроцикле «Проплывающие паруса», входящем в первую часть, где влияние Гумилева ощущается уже на уровне названия: вариации мотива проплывающих парусов не раз встречаются в его поэзии. Прежде всего это

известные строки из «Капитанов»: «Меж базальтовых скал и жемчужных / Шелестят паруса кораблей» [Гумилев, 1991, с. 183] или, например, фрагмент Третьей песни поэмы «Открытие Америки»: «Вольный ветер веял парусами, / Каравеллы продолжали плыть» [Там же, с. 227]. Соответствует гумилевской романтической поэтике и образный ряд «Проплывающих парусов». В нем довольно отчетлив флер литературности, ориентации на поэтические образцы. Яркие образы иноземцев, разыгрывающиеся сюжетные действия создают неповторимый колорит, характерный для всего корпуса произведений. Поэт олитературивает свои впечатления, придавая им жанровый облик микроновелл и отводя себе роль наблюдателя, лишь на краткое время прикоснувшегося к новому для него чарующему миру. Поэтому его микроновеллы похожи на эскизные зарисовки чужого быта и нравов аборигенов:

Манжеты так белоснежны
На черном отливе рук,
И струны рокочут нежно,
Смыкая влюбленный круг,

И в сладостный рокот гула,
Как по песку в прибор,
Та, кто танцует «Хулла», –
Входит полунагой.

На ней из соломы юбка,
В волосах – огневой цветок,
И поется: «Она, как губка,
Как жадный сухой песок.

Бронзовым, гибким телом
Прославлен цветущий рай,
Там, за прибором белым, –
Сердце моих Гавай.

О, танцы при лунном свете,
Из чащ – аромат цветов.
Я в небо забросил сети,
И тело твое – улов»...

(Береговые норы)
[Волков, 1934, с. 41].

Далее короткая портовая любовь обрывается ситуацией отплытия героя на поднимающем паруса корабле.

Фраза «Манжеты так белоснежны...» вызывает невольные ассоциации с «розоватыми брабантскими манжетами» из гумилевских «Капитанов». Как и сама ситуация в порту отсылает к третьему стихотворению из того же цикла, где «темнокожие мулатки и гадают, и поют» [Гумилев, 1991, с. 186], а «...хватив в таверне сидру, / Речь ведет болтливый дед, Что сразить морскую гидру / Может черный арбалет» [Там же, с. 185]. У Волкова «старый штурман», дымя трубкой, ведет речь о «морском диве» («В Золотом Заливе») [Волков, 1934, с. 39]. Подобно гумилевскому миру Африки, образ волковских «Гавай» полон «пенья и пыланья» [Гумилев, 1991, с. 337], обилия запахов и цветов, ассоциируясь с «цветущим раем». Здесь цитирование могло бы быть продолжено еще многими примерами. Достаточно традиционное в поэзии сравнение южных стран с раем в данном случае вновь свидетельствует о литературности художественного восприятия поэта.

Подобно экзотическому миру Гумилева, мир «Проплывающих парусов» Волкова притягателен и одновременно устрашающ. В нем живы предания о морском диве, о приворотном яде исполинских трав, об удавах, которые «у самых хижин давят козлят» [Волков, 1934, с. 41]. Весь этот небольшой цикл встраивается, таким образом, в реминисцентное поле гумилевских картин Африки: «Колдовская страна!.. Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы, / Слишком много здесь этой паленой травы... / Осторожнее! В ней притаились удавы, / Притаились пантеры и рыжие львы» [Гумилев, 1991, с. 323]. Но в отличие от лирического героя Волкова, лишь вскользь знакомящегося с экзотикой дивных стран, лирический герой Гумилева погружен в их таинственный мир, исхоженный самим поэтом множеством дорог. При всем несовпадении маршрутов обоих авторов (для Гумилева это в первую очередь Африка, для Волкова – Восток и Америка), их объединяет общность впечатлений, поэтических реакций на открывшееся «чужое небо».

На уровне литературности интересны «китайские» стихи обоих поэтов. Гумилевский Китай отчетливо литературен, поскольку поэт никогда не был в этой стране. Однако китайская тема появляется у него довольно рано. Первое стихотворение «Путешествие в Китай» датировано 1909 г. и посвящено театральному художнику С. Судейкину. Это своего рода приглашение к путешествию, о чем, в частности, свидетельствуют глаголы, используемые в будущем времени: «Все мы, товарищи, ...Можем отплыть в далёкий Китай»; «В розовой пене встретим даль мы»; «Праздником будут те недели»; «Только в Китае мы якорь бросим...» и др. [Гумилев, 1991,

с. 166]. Китайские стихи собраны в цикле «Фарфоровый павильон», состоящем из двух частей: «Китай» и «Индокитай». Отдельным сборником он был выпущен в 1918 г. в издательстве «Гиперборей» [Гумилев, 1918], где в конце есть примечание Гумилева: «Основанием для этих стихов послужили работы Жудит Готье, маркиза Сен-Дени, Юара, Уили и др.» [Там же, с. 28]. В Большой серии «Библиотеки поэта» указаны источники французских переводов: «Фарфоровый павильон» и «Счастье» – Ли Бо, «Луна на море» – Ли Вэй, «Природа» – Юань Цзе, «Дорога» – Тзе Тие, «Три жены мандарина» и «Соединение» – Цзяо Жань, «Странник» и «Дом» – Ду Фу, «Поэт» – Чжань Жо-Сюй [Гумилев, 1988]. Таким образом, весь цикл представляет собой оригинальный перевод на русский язык уже созданных французских переводов китайских поэтов⁵.

Поэтический Китай Волкова формируется как из его личных беженских впечатлений, так и из литературных источников, среди которых ощутимо влияние гумилевской поэзии. Прежде всего параллель с «Путешествием в Китай» Гумилева возникает в стихотворении Волкова «Путь в Катэй», где диалог с предшественником чувствуется не только на уровне названия, но и в строках «Моя мечта – настойчиво, упрямо, / В Китай ведет верблюжий караван» [Волков, 1934, с. 29], звучащих аллюзией на гумилевское двустишие «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть» [Гумилев, 1991, с. 167]. На наш взгляд, есть влияние Гумилева и в «Китайском павильоне» Волкова, название которого перекликается с «Фарфоровым павильоном». Сюжет стихотворения разворачивается в китайском павильоне и представляет сцену свидания юной китайки с Марко Поло (стихотворение входит в цикл «Мессер Марко Поло»). Приведем важные для нашего анализа строфы:

Полюбил её бродяга и повеса,
Дом которого – «Земля под небесами»...
Ах, «Колокольчики» – маленькая принцесса
С такими суженными азиатскими глазами!

Принцесса «Колокольчики» – ещё совсем ребёнок,
Ей не исполнилось четырнадцати вёсен,
И для неё, как говорит поэт: «Звонок
Ветер, перебирающий струны сосен».

⁵ Об особенностях перевода Гумилева см.: [Федотов, 2003].

Гадает месяц в воде отражением,
Говорят о счастье храмовой завесы складки:
Для принцессы «Колокольчики» – всё полно значением
Какой-то жуткой и радостной загадки...
[Волков, 1934, с. 11].

К уже предпринятому ранее исследованию этого стихотворения (см.: [Проскурина, 2021]) добавим актуальные для нашей проблемы наблюдения. Из мотивного анализа процитированного фрагмента видно, что в нем мерцают отзвуки стихотворения «Я верил, я думал», не включенного Гумилевым в китайский цикл. Образ юной китайки Волкова словно навеян очарованием китайской девушки Гумилева:

...И вот мне приснилось, что сердце моё не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае
На пагоде пёстрой... Висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая лёгкие, лёгкие звоны
[Гумилев, 1991, с. 200].

Межтекстовый диалог создается также общими для двух поэтов мотивами колокольчика, звона, самой завораживающей атмосферой «отражений», характерной для «Фарфорового павильона» Гумилева. Хотя китайские мотивы рассыпаны по всему творчеству поэта. Так, в стихотворении «Возвращение» возникает образ китайца – спутника лирического героя, поющего ему «о старом, о странном... о вечном» [Гумилев, 1991, с. 254]. Песня китайца перекликается с «голосом тысячелетий» Волкова, который особенно отчетлив в первой, «восточной» части его поэтического сборника, где доминантными являются алломотивы забвения и смерти. Особо показателен в этом контексте микроцикл «Пути Чингис-хана», такие включенные в него стихотворения, как «Пески», «Курганы»:

С тех времен, когда люди топором из нефрита
Убивали, сражаясь, в тьме зловонных пещер, –
Смерть героев далеких была также повита
Ароматом курений нам неведомых вер.

Может быть, в тонком слое попираемой пыли –
Их заветные мысли, стоны их матерей!

Может быть, эти люди никогда здесь не жили,
Или ныне на дне мы их бездонных морей.

<...>

Так и ты, и народ твой, и столетья, и эры
Могут в общем движеньи промелькнуть без следа,
И о павших героях, как о людях пещеры,
Ничего не узнают. Ничего. Никогда

(«Пески»)

[Волков, 1934, с. 10];

...О чем-то забытом рыдает тоскливо
Потомок забытых героев – монгол.

С ним ветер рыдает. Извечно и свято
Он крылья, как дух мятежа, распростер
Над степью, где смуглый наездник когда-то
Поддерживал ночью дозорный костер.

Там, в недрах, скелеты. И витязь, и слуги,
И жены, и кони... Их давит курган.
И вновь не зардеют на звеньях кольчуги
Священные капли сражений и ран.

Уйдут караваны, верблюды за верблюдом,
Как черные птицы, на алый восток
От странно-зеленого озера, чудом
Упавшего в серый, холодный песок

(«Курганы»)

[Волков, 1934, с. 7].

Интересно развертывание времени в этих двух стихотворениях, движущегося от истории в первом, «Курганах», к праистории в четвертом, «Песках». Причем, если в первом довольно отчетлив восточный колорит, то в последнем он стерт. Это своего рода универсальная картина забытой истории человечества в целом, у которой есть трагическая возможность повторения. Не случайно в своих размышлениях поэт использует собирательное существительное «люди». Его голос звучит словно не с уровня земного бытия, а с позиции метаистории.

Вместе с тем оба стихотворения звучат очень по-гумилевски. Всплывающие перед внутренним взором лирического героя Волкова картины соотносимы с «мелькающими отраженьями потерянного навсегда» [Гуми-

лев, 1991, с. 294] мира в стихотворении «Прапамять» или с апокалиптическими видениями «Сахары»:

... пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара
[Гумилев, 1991, с. 318].

Объединяют стихотворения обоих поэтов элегическая интонация раздумий о быстротекущей жизни, мотивы забвения, пустынности, засыпанных песками миров. Отличие же в том, что у Волкова более отчетливо выражен трагизм утраты «столетий и эр». Не случайно в «Курганах» слышны жанровые отзвуки плача: вместе с «потомком забытых героев» о забытом мире рыдает природа – ветер, что вносит фольклорный элемент в поэтическую структуру стихотворного целого. Образы задавленных курганом скелетов витязей, их жен, коней и слуг придают стихотворению погребальный оттенок.

Если эпиграф из «Театра» Гумилева открывает вторую часть сборника Волкова, то стихотворение «Н. Гумилев» завершает первую. Хотя отзвуки гумилевского интертекста слышатся и в других разделах, показывая, в чьей поэтической ауре формируется лирический мир книги в целом.

Ах, пронзают сердца амуры,
И от грёз избавленья нет!
Помните ль вы гравюры
Петровских Больших побед?

В грохоте бранной Славы
Проходят года, звеня,
И всадник, вдруг, величавый
Вздыбил на ходу коня.

<...>

Вверху развернулся свиток
Словами далёких лет,
И пьём мы хмельной напиток
Петровских Больших побед.

Солдаты в литературе
Дают и встречают бой.
И над ними плывёт в лазури
Облаков кучерявых строй
[Волков 1934, с. 46].

Любопытно, что в самом стихотворении ни разу не упоминается имя Гумилева. Но весь текст построен в форме обращения к поэту. Причем фигурой сближения лирического Я Волкова с образом Гумилева выступает Петр Первый – казалось бы, далекий от художественных миров обоих авторов. Однако в поэтических грезах лирического героя образ поэта-воина вписан в славную череду Петровских побед, сигнализируя единство судьбы Волкова и Гумилева в сфере *идеального*, контрастом чему оказалась реальная история России первых десятилетий XX в.

Представленный далеко не полный анализ дает основание заключить, что поэзия Гумилева, как и сам его образ, прочно вошли в творческое сознание Б. Волкова. Об этом свидетельствует близость тем, мотивов, образов, а также общее для обоих поэтов отношение к жизни как к поединку с «воинственной судьбой». В этом контексте поединка особое значение приобретает для Волкова путешествие к «новому дому» сквозь родственные гумилевской поэтике неведомые миры, зарядившие его особой жадной жизни. «Как кедром пахнет дом наш новый. / Ты слышишь запах горьких трав? / И мальчик мой белоголовый / Уснул, к груди моей припав...» [Волков, 1934, с. 149] – так заканчивается книга стихов «В пыли чужих дорог», счастливый финал которой подытоживает ее скитальческий сюжет.

Список литературы

Волков Б. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 176 с.

- Гумилев Н. Фарфоровый павильон. Китайские стихи. СПб.: Гиперборея, 1918. 28 с.
- Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 582–583.
- Гумилев Н. С. Стихотворения. Поэмы. Проза. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 606 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 510 с.
- Крейд В. «Все звезды попидав чужие...» // Русская поэзия Китая. Антология. М.: Время, 2001. С. 5–38.
- Куликова Е. Ю. О магистральных и маргинальных путях русской поэзии: «чужие звезды» Николая Гумилева и Павла Булыгина // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 146–164.
- Проскурина Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 264–280.
- Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс книга, 2007. 447 с.
- Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова // Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс книга, 2007. С. 317–444.
- Федотов О. Китайские стихи Николая Гумилева. Версификационная поэтика цикла // Литература. 2003. № 37.

References

- Fedotov O. Kitayskiye stikhi Nikolaya Gumileva. Versifikatsionnaya poetika tsikla [Chinese poems by Nikolai Gumilyov. Versification poetics of the cycle]. *Literatura*, 2003, no. 37. (in Russ.)
- Gumilyov N. Farforovyy pavi'on. Kitayskiye stikhi [Porcelain pavilion. Chinese verses]. St. Petersburg, Giperborey, 1918, 28 p. (in Russ.)
- Gumilyov N. Stikhotvoreniya i poemu [Poems]. Leningrad, Soviet writer, 1988, pp. 582–583. (in Russ.)
- Gumilyov N. Stikhotvoreniya. Poemy. Proza [Poems. Poems. Prose]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 1991, 606 p. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M. Complete works. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1976, vol. 14, 510 p. (in Russ.)
- Kreid V. “Vse zvezdy povidav chuzhie...” [“Having seen all the stars of strangers...”]. In: *Russkaia poeziiia Kitaia. Antologiiia* [Russian poetry of China. Anthology]. Moscow, Vremya, 2001, pp. 5–38. (in Russ.)

Kulikova E. Yu. O magistral'nykh i marginal'nykh putyakh russkoy poezii: "chuzhiye zvezdy" Nikolaya Gumileva i Pavla Bulygina [About magistral and marginal ways of Russian poetry: Nikolay Gumilev and Pavel Bulygin's "alien stars"]. *Critique and Semiotics*, 2017, no 2, pp. 146–164. (in Russ.)

Proskurina E. N. Vostok v tvorcheskom soznanii B. Volkova [East in the creative mind of B. Volkov]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, pp. 264–280. (in Russ.)

Sokolov B. Baron Ungern. Chernyy vsadnik [Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-Press Kniga, 2007. 447 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. Konstanty: Slovar' russkoy kultury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2004, 992 p. (in Russ.)

Ungerniada. Zapiski B. N. Volkova [Ungerniada. Notes of B. N. Volkov]. In: Sokolov B. Baron Ungern. Chernyy vsadnik [Sokolov B. Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-Press Kniga, 2007, pp. 317–444. (in Russ.)

Volkov B. V pyli chuzhikh dorog [In the dust of foreign roads]. Berlin, Parabola, 1934, 176 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук
WoS Researcher ID K-6509-2017

Information about the Author

Elena N. Proskurina, Doctor of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K-6509-2017

*Статья поступила в редакцию 15.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 15.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*